

И.А. Попп
Екатеринбург

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦИИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ: К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО СУДА В СЕРЕДИНЕ 1860-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: волостные суды, местные суды, крестьянские реформы, сословия, крестьяне, мировой суд, освобождение крестьян.

АННОТАЦИЯ. На основе опубликованных и неопубликованных исторических источников описываются трудности, связанные с организацией деятельности пермских волостных судов в 1860-х гг. Автор показывает, что в условиях отдаленной от центра северо-восточной Пермской губернии, имевшей географическую и социально-экономическую специфику, волостная юстиция развивалась идентично общероссийским трендам. Все проблемы, связанные с судопроизводством крестьянского суда, не решались на этапе становления нового местного сословного судебного учреждения. Волостные судьи ориентировались на местных волостных старшин, сельских старост, волостных писарей, авторитетных «односельцев», не гнушались получать мзду за свою общественную работу, а решения обосновывали размытыми и субъективными нормами обычного права, которые никто и нигде не фиксировал.

I.A. Popp
Ekaterinburg

THE FORMATION OF VOLOST JUSTICE IN THE PERM PROVINCE: TO THE PROBLEM OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE PEASANT COURT IN THE MID-1860s

KEYWORDS: parish courts, local courts, peasant reforms, estates, peasants, world court, the liberation of the peasants.

ABSTRACT. on the basis of published and unpublished historical sources, the difficulties associated with the organization of the activities of the Permian volost courts in the 1860s are described. The author shows that in the conditions of the north-eastern Perm province distant from the center, which had geographical and socio-economic specifics, volost justice developed in the same way as the all-Russian trends. All the problems associated with the court proceedings of a peasant court were not solved at the stage of the formation of a new local estate court institution. The volost judges were guided by local volost foremen, rural elders, volost clerks, authoritative “villagers”, did not disdain to receive bribes for their public work, and the decisions were based on vague and subjective rules of customary law that no one anywhere recorded.

В современной историографии определилась тенденция к идеализации волостного суда как хранителя неких традиционных норм и правил поведения в русской крестьянской общине². Часть сторонников апологетики волостной юстиции, к сожалению, мало обращается к неопубликованным историческим источникам и заметкам современников пореформенного периода, описывавших различные случаи из практики «хранителей крестьянского благополучия». Другие исследователи, пытаются представить волостную юстицию как некую структуру, имевшую «опору в крестьянском пони-

¹ **Попп Иван Александрович**, кандидат исторических наук, начальник управления научно-образовательной и проектной деятельности, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: popp82@mail.ru.

Popp Ivan Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Scientific, Educational and Design Activities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

© Попп И. А., 2019

² Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 119-124; Максимов Д. С. Волостной суд в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 2 (4). С. 63-66; Шуструйский А. В. Волостной крестьянский суд в период проведения крестьянской реформы 1861 года // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 183-185; и др.

мании правопорядка, в представлениях о справедливом решении дел», которая «могла достаточно полно отражать интересы крестьянина и была понятной для всех участников»¹.

Мы придерживаемся мнения, что российский «правовой плюрализм», т.е. терпимость в отношении местных религиозных и общественных обычаев, легализация этих обычаев посредством интегрирования разнообразных местных судов в государственную судебную систему², был своеобразной вынужденной мерой, позволявшей самодержавной власти огромной империи устанавливать контроль над населением и территорией, сохранять целостность государства, не создавая единой и согласованной правовой системы, требовавшей огромных материальных, человеческих и интеллектуальных ресурсов.

В результате крестьянской и судебной реформ Александра II в России сформировались выборные местные судебные учреждения, которые действовали без существенных изменений до 1889 г. Пореформенный местный суд был территориально приближен к населению, обособлен от общих судебных инстанций, независим от различного уровня администраций, отличался упрощенным судопроизводством, старался примирять конфликтующие стороны, имел право применять нормы обычного права, рассматривал незначительные судебные дела (иски до 500 рублей), формировался и финансировался местным населением.

Волостная юстиция – одна из составляющих местного судоустройства – действовала на основе Положения «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.³ Ежегодно на крестьянском волостном сходе избирались волостные судьи (от 4 до 12 крестьян), которые на безвозмездной основе осуществляли правосудие в пределах волости. Не реже одного раза в две недели и не менее 3-х волостных судей окончательно решали (без права апелляционного обжалования) судебные дела ценой иска до 100 рублей между крестьянами одной волости «о недвижимом и движимом имуществах, займах, покупках, продажах и всякого рода сделках и обязательствах, вознаграждениях за убытки и ущерб». Если гражданское дело превышало установленную законом сумму, или недвижимость находилась вне крестьянского надела, или в тяжбе участвовали представители других сословий, то такие дела передавались в местный мировой или окружной суды.

Волостной суд рассматривал и маловажные уголовные крестьянские «проступки», совершенные только против лиц крестьянского сословия в пределах одной волости и без участия представителей других сословий. За мелкое воровство, мошенничество, драку в крестьянской общине волостной суд приговаривал к наказанию до 6 дней общественных работ, либо к денежному взысканию до 3 рублей, либо к аресту до 7 дней, либо к телесному наказанию до 20 ударов розгами (назначение меры наказания за каждый проступок передавалось на усмотрение самого суда). Итак, волостной суд в 1860–1880-х гг. – это сословное, выборное, коллегиальное, независимое, безапелляционное судебное учреждение, применявшее нормы обычного права.

Для более объективного понимания процессов, происходивших в организации и деятельности волостного суда, необходимо обратиться к исследованию ситуации в отдельных российских регионах. Так, Пермская губерния может рассматриваться как локальная часть Российской империи с несомненной спецификой: неразвитые транспортные пути, суровые климатические условия, отдаленность от центра, большая и неравномерно заселенная территория, наличие горнозаводских округов, малочисленность дворянства в структуре пермского общества и др.

В 1870 г. сенатор П. Н. Клушин выделял явные особенности этой северо-восточной губернии и давал ей следующую характеристику: «Развитие производительных сил губернии далеко не соответствует значению ее естественных богатств. Так, явление вполне объясняется всем строем исторической жизни и, главным образом, происходит: 1. от не установившейся колонизации края и слабого развития народонаселения; 2 от недостатка в губернии цивилизующих начал; 3. от влияния новых условий народной жизни вследствие последовавших реформ позднейшего времени. Губерния занимает огромные пространства. При отсутствии правильных путей сообщения, каждая отдельная местность не имеет прочной связи с центральными учреждениями, и потому, естественным путем представлена самобытности своих собственных сил»⁴. Преобладание же русского населения и наличие развитого бюрократического аппарата в губернии предопределили проведение Великих реформ 1860–1870-х гг. в полном объеме. Развитие государственных учреждений присущих остальным регионам обширной Российской империи, включение этой губернии в общую систему социально-

¹ Земцов Л. И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60 – 80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007. С. 61.

² Бёрнбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М., 2004. С. 320-358.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2), т. 36, ч. 1, № 36657. С. 155-169.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 3-3 об.

экономического, политического и культурного взаимодействия, указывает на равнозначность процессов, происходивших в общероссийских масштабах.

По данным пермского губернатора Б.В. Струве, все население сельского состояния было разделено в административном отношении на 452 волости, в состав которых вошло 3180 сельских обществ крестьян, вышедших из крепостной зависимости, заводских мастеровых, удельных крестьян, башкир и государственных крестьян. Всего – 958438 мужского пола наличных душ¹. Вместе с тем, сразу же были «замечены неправильности в образовании сельских обществ». Губернатор отмечал главные причины этого: 1. медленная деятельность мировых посредников: «Причиной неуспеха этого дела была, главным образом, бездеятельность самих посредников»; 2. сложные социальные и климатические условия: «Невозможность в некоторых волостях собрать в известное время общий сход домохозяев всех включенных в одну уставную грамоту селений, раскинутых на значительном пространстве. Это зависит от того, что большая часть крестьян живет продолжительное время года на заработках в отдаленных от жительства местностях»². Полагаем, что губернатор Струве в этом отчете только частично раскрыл проблемы, связанные с формированием крепких крестьянских сельских и волостных обществ. Основными причинами являлись наличие горнозаводского и башкирского населения, развитое отходничество и суровые географо-климатические условия.

Наблюдались в крестьянском самоуправлении проблемы, связанные с деятельностью волостных судов. Его становление началось в 1861 г., когда наряду с крестьянским волостным и сельским самоуправлением была введена волостная юстиция. Во всеподданнейшем отчете за 1861 г. пермский губернатор сообщал о деятельности волостного суда: «Послужил к большому сознанию крестьянами полученных ими прав и к убеждению их в важности и пользе общественного управления и суда»³. В 1862 г. он же объяснял, что «волостные суды повсеместно почти и особенно, где первоначально обратили на них внимание мировые посредники, приносят пользу, а некоторые решения даже замечательны»⁴. В это время военный генерал-губернатор Пермской губернии обратил внимание министра внутренних дел на показательный пример двух заводских крестьян, которые были арестованы исправником за нарушение полицейских правил «О предосторожностях от пожарных случаев». Местный мировой посредник Осинского уезда Бакланов попросил освободить провинившихся крестьян и передал дело во вновь образованный волостной суд: «Распоряжение это, сделавшееся вскоре известным большинству населения, понравилось и, по мнению посредника, будет иметь благодетельное влияние на умы их»⁵.

Видимо, во всеподданнейших отчетах губернатор немного приукрашивал ситуацию. Сохранился циркуляр управляющего пермской палатой государственных имуществ для волостных правлений за 1862 г., где были подвергнуты критике все должностные лица местного крестьянского самоуправления: «Проступки эти и злоупотребления по службе более и менее имеют начало в совершенно неосновательном понимании о важности значения сельского должностного лица, для которого будто бы и закон должен быть не так строг, как для простого рядового крестьянина»⁶. В заключение управляющий привел примеры наказаний «провинившихся» сельских должностных лиц, что должно было «благодарно» повлиять на остальную массу волостных старшин, писарей, судей и сельских старост.

В январе 1864 г. в пермском губернском по крестьянским делам присутствии рассматривалось представление мирового посредника первого участка Красноуфимского уезда о возможности пересмотра решений волостных судей в съездах мировых посредников. Мировой посредник заявил, что местное крестьянское население приносит ему «в большом числе» жалобы на решения волостных судей, которые на практике оказываются справедливыми: «Волостные судьи постановляют решения, нисколько не согласуясь с положениями..., не спрашивая свидетелей, не поверяя доказательств по просьбам тяжущихся, не основываясь на заявляемых письменных сделках и даже не объявляя решения ответчиками, постановленных без личности их». В заключение посредник констатировал неоспоримую истину: «При виде явной несправедливости в судах оставаться спокойным зрителем и не в состоянии быть полезным в защиту правого было бы безжалостно». Однако члены губернского присутствия однозначно констатировали: «Решения волостных судов рассмотрению мировых съездов не

¹ РГИА. Ф. 1291. 1868. Оп. 36. Д. 118. Л. 60-62.

² РГИА. Ф. 1291. 1868. Оп. 36. Д. 118. Л. 63.

³ Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА). Коллекция печатных записок. Печатная записка № 982. «Справка о действиях волостных судов в обществах временно-обязанных крестьян». С. 8-9.

⁴ Там же.

⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 18. 1861 г. Л. 6 об.

⁶ Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. И-25. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.

подлежат»!¹ С 1866 г. крестьяне смогли обжаловать приговоры волостных судей в съездах мировых посредников в кассационном порядке², но это частное нововведение не улучшило ситуацию, так как тяжущиеся чаще всего обращались с просьбами о пересмотре дела «по существу».

Через несколько лет губернатор Струве, напротив, снова очень учтиво докладывал о деятельности сословных судов: «Круг действий волостных судов в минувшем году значительно увеличился, и они успели заслужить в глазах крестьян сравнительно большее доверие к своей беспристрастности и знанию дела, чем прежде, так что в течение 1867 г. волостными судами решено было 12460 дел. Наибольшее же, против прежнего времени, расположение крестьян к посредству волостных судов, зависит, главным образом, от того, что крестьяне уже не боятся, как это было прежде, неотменяемости решений волостных судов в случаях нарушения ими порядка и правил и превышения власти»³. По его же мнению, наилучшим образом показывали себя башкирские волостные судьи, которые были грамотными и вели судопроизводство на родном языке: «Из всех местных учреждений башкиры всего лучше восприняли волостной суд. Судьи выбираются из самых лучших по поведению и способностям домохозяев преимущественно грамотных и действуют довольно независимо от постороннего влияния»⁴.

Известно, что уже в 1860-х гг. большинство губернаторов из разных регионов Российской империи в той или иной мере подвергли критике волостной суд, указывая на серьезные недостатки нового судебного учреждения: 1) незаконное влияние на процесс волостного судопроизводства и зависимость волостных судей от волостных старшин, писарей и сельских старост; 2) отсутствие законной системы обжалования решений волостных судей; 3) недоверие крестьян к вновь образованному волостному суду и решение споров либо в так называемых близких «домашних» судах, «судах стариков», либо попытки обращения сразу к мировым посредникам; 4) перманентное присуждение телесных наказаний даже за незначительные крестьянские проступки; 5) отсутствие прозрачной и обоснованной системы принятия решений по гражданским и уголовным делам, применение двойных и даже тройных наказаний⁵.

Косвенное подтверждение этих основных пунктов критики волостного суда можно найти и в отчете сенатора П. Н. Клушина, ревизовавшего Пермскую губернию в 1870 г.⁶ В Российской империи сенаторские ревизии выполняли надзорные функции за местным административным аппаратом в отдаленных от центра губерниях. Сенаторы имели право заявлять императору обо всех замеченных ими «недостатках и неудобствах» в российских местностях. П. Н. Клушин сделал неутешительный вывод по итогам поездки в эту отдаленную северо-восточную губернию: «Ревизионный разбор многих дел обнаружил, что в Пермской губернии беспрерывно допускаются в обращении с народом меры, не указанные в законе, а основанные на тяжелом произволе, и потому власти постоянно являются народу силой враждебной и пристрастной, а не представительницей порядка и общественного строя»⁷.

Так, в отчетах сенатора Клушина, ревизовавшего Пермскую губернию в 1870 г., находится записка о действиях бывшего оханского, а впоследствии кунгурского исправника Петрова, который оставался в Дворецком волостном правлении Оханского уезда и приказал наказать «нагайкой» двух ямщиков Тарутина и Азанова без пояснения причин. Один из бывших при этом наказании ямщиков Василий Романов, увидев как бьют его товарищей, вскочил на лошадь, уехал домой, где, по словам отца и брата, с ним сделались дрожь, кровавый понос, а через две недели он скончался: «Василий Романов, имевший отроду 19 лет, был нрава кроткого и умер, как говорит народная молва, от испуга»⁸.

В свое оправдание Петров привел две причины наказания ямщиков: во-первых, «за неисправность сбруи и худых лошадей»; во-вторых, «по просьбе волостного судьи, который, заявив о буйствах и дерзостях этих ямщиков, усердно просил поучить их на предки!» Эти факты следствие не опровергло, а пермский губернатор Б. В. Струве оставил это дело «без последствий», так как ни самими ямщиками, ни их родственниками не было принесено жалоб в установленном порядке. В следующий раз Петров приказал избить и других ямщиков, выдав каждому по 100 ударов, и опять по

¹ Журналы пермского губернского по крестьянским делам присутствия от 21 января 1864 г. № 62 // Пермские губернские ведомости. 14 февраля 1864. № 7. Приложения. С. 1.

² ПСЗ-2. Т. 41. Ч. 1. № 43014. С. 132-133.

³ РГИА. Ф. 1291. 1868. Оп. 36. Д. 118. Л. 69.

⁴ РГИА. Ф. 1291. 1868. Оп. 36. Д. 118. Л. 82 об.

⁵ НСБ РГИА. Печатная записка № 982. Л. 1-7.

⁶ Попп И. А. Становление местного суда в Пермской губернии (на материалах ревизии сенатора П. Н. Клушина) // Историко-педагогические чтения. 2014. № 18-1. С. 197-203.

⁷ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1046. Л. 19-19 об.

приказу начальника губернии дело прекратили¹. Таких случаев Павел Николаевич приводил в отчете достаточно для формирования соответствующего общественного мнения о творившихся беззакониях. Сенаторские замечания вызвали большой общественный резонанс в России: «Толки об этой ревизии были нередко предметом самых оживленных разговоров даже между такими людьми, которые вообще мало и даже, быть может, вовсе не интересуются вопросами административного свойства»².

Неудовлетворительность судебной власти и произвол полицейских чиновников, по мнению Клушина, «заставили сельское население дорожить своим судом, скорым и, во всяком случае, более справедливым, чем судебная полицейская расправа». Географические и социально-экономические условия Пермской губернии «выработали столько обычаев, не подходящих под нормы, установленные законодательством, что применение этих норм было бы стеснением для населения»³. В целом положительная характеристика пермского волостного суда сенатором Клушиным в основном содержании сводилась к его частичной критике.

Во-первых, сенатор отметил, что ревизия делопроизводства волостных судов обнаружила тот факт, что «на практике не существует резкого и точного разграничения между пределами власти волостных судов и сельских начальников». Это выражалось, прежде всего, во вмешательстве в волостное судопроизводство и наложение наказаний за личные обиды и кражи со стороны только волостных старшин и сельских старост без решений волостного суда.

Во-вторых, съезды мировых посредников задерживали дела с рассмотрением кассационных жалоб: «Несмотря на неоднократные заявления со стороны обвиненных о неподсудности их поступков волостному суду или волостным и сельским начальникам, остается в стороне и по настоящее время не получил своего разрешения».

В-третьих, превышение судебной власти волостными судами, например, решение дел о кражах со взломом, подсудных общим судебным учреждениям.

В-четвертых, решения не соответствовали нормам законодательной базы и носили субъективный характер обычного права: «При рассмотрении проступка отличаются главные виновные от их сообщников, за оскорбление женщины полагается наказание больше, чем за обиду мужчины... Встречаются приговоры по обвинению в краже, в которых суд допускает оканчивать дело примирением. Есть обвинительные приговоры за кражу собственной вещи. Так, крестьянин осужден за кражу своего полушубка, который запрятан был женой обвиняемого, чтобы муж его не пропил...»⁴.

В-пятых, преобладающим наказанием в приговорах волостных судов являлось телесное наказание: «Волостные суды по маловажным проступкам крестьян, подлежащим его разбирательству, на основании 101 ст. Общего Положения приговаривают виновных исключительно к телесному наказанию, обходя все те меры, которые указаны в 102 ст. того же положения. Подобное направление волостных судов хотя и находит себе оправдание в неразвитости народов, но, тем не менее, оно не может быть признано законным, потому что значение волостного суда заключается в том, чтобы дать возможность народным обычаям примениться к потребностям самоуправления»⁵.

Несмотря на эти веские замечания об организации и деятельности пермской волостной юстиции, которые соответствовали общероссийским тенденциям, П. Н. Клушин оставил положительный отзыв о волостных судах: «Все вышеизложенное выражает состоятельность волостных судов в Пермской губернии и было бы желательно в видах развития бытовых начал, дабы эта состоятельность охранялась доверием народа и покровительством законодательства»⁶. Вероятно, у Павла Николаевича было слишком мало времени познакомиться со всем накопившимся к 1870 г. материалом, связанным с волостными судами.

Пермские крестьяне постоянно жаловались на решения волостных судов, «как неправильных по существу», принятых «под влиянием выставленного им вина» и др.⁷ 25 апреля 1869 г. в Шадринском мировом съезде рассматривали кассационную жалобу на решение Басмановского волостного суда, который по заявлению волостного писаря Дюпина о нанесении оскорблений крестьянами Ботаниным и Вязминовым осудил «в примере и страхе прочим наказывать розгами по 20 ударов каждого». Оказалось, что решение это было «постановлено действительно заочно» без вызова ответчиков в суд,

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1046. Л. 20-22.

² Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1873. С. 113.

³ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 102 об.

⁴ см. РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 102 об. – 106 об.

⁵ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 229.

⁶ РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л. 106 об.

⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 203. Д. 194. Л. 93 а.

чем «нарушил установленные при судопроизводстве правила и пределы власти»¹. В марте 1870 г. Фоминский волостной суд осудил законопослушного крестьянина Григория Анисимова. Просто он не понравился местному сельскому старосте Ивану Бурундукову. Послушные старосте волостные судьи нашли, что Анисимов не уплатил в узаконенный срок податей, «не наблюдал» за своим хозяйством, «от чего таковое расстраивается». Этого было достаточно, чтобы «за вышеозначенные поступки наказать розгами двадцатью ударами!»² И такие возмутительные решения встречались повсеместно. Неграмотные волостные судьи не были независимыми представителями Фемиды, наоборот, они строго ориентировались на местных волостных старшин, сельских старост, волостных писарей, авторитетных «односельцев», не гнушались получать мзду за свою общественную работу, а решения обосновывали размытыми и субъективными нормами обычного права, которые никто и нигде не фиксировал.

Таким образом, сенатор Клушин в процессе ревизии коснулся проблем всего местного судопроизводства, его организации и деятельности. По его мнению, после проведения судебной реформы 1864 г. местный суд должен был состоять из двух главных частей: всеобщего мирового и крестьянского сословного волостного суда. Несмотря на выявленные проблемы в волостной юстиции, сенатор отметил и ее явные преимущества для Пермской губернии. Однако дальнейшее совершенствование местной судебной системы Павел Николаевич связывал с введением Судебных уставов 1864 г. и созданием современной системы низших судебных учреждений. Благодаря отчетам ревизора уже в конце 1873 г. в Пермской губернии начал действовать мировой суд – неотъемлемая составная часть пореформенного местного суда. К сожалению, отсутствие внутренних связей между волостными и мировыми судами не сформировало единого и независимого пореформенного местного суда. Видимо, на этапе становления волостной юстиции высокопоставленные чиновники не могли предложить какой-либо другой системы низших судебных учреждений, способной работать в среде только что вышедших из крепостной зависимости малограмотных крестьян.

Источники и литература:

- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 203. Д. 194.
ГАСО. Ф. 670. Д. 12.
Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. И-25. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.
Журналы пермского губернского по крестьянским делам присутствия от 21 января 1864 г. № 62 // Пермские губернские ведомости. 14 февраля 1864. № 7. Приложения. С. 1.
НСБ РГИА. Печатная записка № 982. Л. 1-7.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2), т. 36, ч. 1, № 36657. С. 155-169.
Коллекция печатных записок. Печатная записка № 982. «Справка о действиях волостных судов в обществах временно-обязанных крестьян». С. 8-9.
Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА). ПСЗ-2. Т. 41. Ч. 1. № 43014. С. 132-133.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1046.
РГИА. Ф. 1291. 1868. Оп. 36. Д. 118.
РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 18. 1861 г.
РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45. Л.
Бёрнбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М., 2004. С. 320-358.
Земцов Л. И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60 – 80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007. С. 61.
Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1873. С. 113.
Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (68). С. 119-124.
Максимов Д. С. Волостной суд в системе правового регулирования деятельности крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 2 (4). С. 63-66.
Шуструйский А. В. Волостной крестьянский суд в период проведения крестьянской реформы 1861 года // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 183-185.
Попп И. А. Становление местного суда в Пермской губернии (на материалах ревизии сенатора П. Н. Клушина) // Историко-педагогические чтения. 2014. № 18-1. С. 197-203.

¹ ГАСО. Ф. 203. Д. 194. Л. 94-95 об.

² ГАСО. Ф. 670. Д. 12. Л. 49.